

DOI 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51

УДК 82.02

Илья Алексеевич Фомин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7038-4394

E-mail: fomin11ya@yandex.ru

Ориенталистский дискурс в раннесоветской художественной литературе о Средней Азии

АННОТАЦИЯ. Дается краткий обзор концептуальных рамок исследования. С опорой на статьи М. Горького анализируются те задачи, которые устанавливала перед художественной литературой советская власть: необходимость формирования нового облика «восточных народов» Советского Союза как части единого пролетарского фронта социалистического строительства, установление взамен ориенталистской дихотомии «Восток — Запад» классовой — «пролетариат — буржуазия». Далее с опорой на работы участников специально организованных властью писательских бригад анализируются методы писателей по борьбе с ориенталистским дискурсом, способы установления новой классовой дихотомии, а также преемственность идей писателей с имперским периодом. Несмотря на то что писатели развернули активную деятельность по борьбе с негативными стереотипами, они все равно присутствуют на страницах их произведений, но однозначно делать вывод об ориентализме советской власти нельзя: в первую очередь через художественную литературу передается цивилизаторская идея, в основе которой — антиколониализм. Кроме того, антиколониальные лозунги советской власти привели к рефлексии писателей на тему целесообразности проводимой модернизации в регионе и в будущем могли развиваться в критику советской власти в художественной литературе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ориентализм, соцреализм, литературные бригады, художественная литература, Туркменистан

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фомин И. А. Ориенталистский дискурс в раннесоветской художественной литературе о Средней Азии. *Кunstкамера*. 2021. 4(14): 37–51. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51

Ilya Fomin

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7038-4394
E-mail: fomin1lya@yandex.ru

Orientalist Discourse in Early Soviet Fiction about Central Asia

ABSTRACT. The article consists of an introductory part and sections “Combating Negative Stereotypes”, “Establishing a New Class Dichotomy and Proletarian Unity”, and “The Civilizing Mission”. The introduction provides a brief overview of the conceptual framework of the study. Drawing on articles by Maxim Gorky, the author analyzes the tasks that the Soviet Government set for fiction: the need to form a new image of the “Eastern peoples” of the Soviet Union as part of a single proletarian front for the socialist construction, and the establishment of a class dichotomy “Proletariat—Bourgeoisie” instead of the Orientalist dichotomy “Orient—Occident”. Further, looking into the works of the participants of the writers brigades deliberately organized by the Soviet Government, the author analyzes their methods of fighting the Orientalist discourse, ways of establishing the new class dichotomy, and the continuity of the writers’ ideas with the imperial period. Despite the fact that the writers launched active efforts to combat negative stereotypes, those are still present on the pages of their works. However, it is impossible to draw a clear conclusion about the Orientalism of the Soviet Government: first of all, the civilizing idea, which was based on anti-colonialism, was transmitted through fiction. Furthermore, the anti-colonial slogans of the Soviet government led to the writers’ reflection on the expediency of the ongoing modernization in the region and, in the future, could develop into a criticism of the Soviet Government in fiction.

KEYWORDS: Orientalism, socialist realism, writers brigades, fiction, Turkmenistan

FOR CITATION: Fomin I. Orientalist Discourse in Early Soviet Fiction about Central Asia. *Kunstkamera*. 2021. 4(14): 37–51. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51

Одной из важных задач советского социалистического строительства в межвоенный период стало формирование антиколониального облика страны и установление формального равенства входящих в Советский Союз народов, борьба с «великодержавным шовинизмом». С этой целью был осуществлен целый ряд мер по предоставлению льгот нерусским народам при приеме в учебные заведения и на работу, а также выдвижение их представителей на руководящие должности в образовании, промышленности и управлении (политика «коренизации»). Как инструмент национальной политики рассматривалось и изменение содержания и канонов литературного процесса: важно было произвести резкий разрыв с прошлым и в литературе, которая в имперский период, по словам М. Горького, зачастую «относилась к “инородцам” снисходительно, смотрела на них “сверху вниз”» (Горький 1935: 52), утвердить новый облик всех народов империи, в том числе народов Средней Азии. В статье мы попытаемся проследить те изменения, которые советская власть проводила в области литературы, и ответить на вопрос, получилось ли утвердить новый облик «восточных народов» Советского Союза.

ВВЕДЕНИЕ. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводится в концептуальных рамках ориентализма — концепции, предложенной Э. Саидом в своей книге под одноименным названием (Саид 2006). Эта концепция основывается на идее французского философа Мишеля Фуко о единстве знания и власти. Саид развивает идеи Фуко и приходит к выводу, что лингвистический аппарат через распространение знания является методом завоевания, порабощения и угнетения. В таком контексте Саид в качестве первой составляющей ориентализма выделяет его «академическое определение»: «всякий, кто преподает Восток, пишет о нем или исследует его» создает, воспроизводит и расширяет ориенталистский дискурс, т. е. является ориенталистом. В рамках этого дискурса «Восток» противопоставляется «Западу» и объединен в одно исследовательское поле по принципу этого противопоставления: Восток — один из главных образов Другого, который помогает Европе определить свой собственный образ, идею, личность и опыт. При этом образ Востока представлен Западом, т. е. Восток не говорит сам за себя, его представляют, репрезентируют западные интеллектуалы. Для такой репрезентации характерно использование широких обобщений с негативным подтекстом и созданных в рамках ориенталистского дискурса стереотипов. Но ориенталистский дискурс выходит за рамки востоковедческой науки, и Саид предлагает определение ориентализма «в более широком понимании... — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии “Востока” и (почти всегда) “Запада”». По мнению Саида, многие авторы усваивают это различие Запада и Востока в качестве отправной точки для своих работ, будь то стихи, романы или теории. В результате в их работах вновь и вновь воссоздается ориенталистский дискурс, т. е. они с помощью одного и того же словаря и одинаковых троп поддерживают сложившиеся стереотипы о Востоке, восточных людях и восточной атмосфере, например о том, что восточные люди иррациональны, легковверны, коварны и лживы. Соответственно в таком онтологическом разделении всегда подчеркивается превосходство Запада и отсталость Востока. В результате авторы работ в рамках ориенталистского дискурса вносят в свои тексты важный политический подтекст: они оправдывают и утверждают политическое господство Запада над Востоком. Можно сказать, что здесь речь начинает идти о третьей составляющей ориентализма, как ее выделял Саид: «... ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком — общение при помощи высказываемых о нем суждениях, определенных санкционируемых взглядах... короче говоря, ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» (Саид 2006: 8–10). В ее основу положена идея европейской идентичности как превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами. По мнению Саида, общение Запада с Востоком было построено так, будто Запад является спасителем для «беспомощного» современного Востока, и только он способен исправить эту сложившуюся ситуацию.

Книга Э. Саида увидела свет в 1978 г., и за прошедшее время его концепция ориентализма и подверглась критике, и получила дальнейшее развитие. С одной стороны, критике подверглось ограничение Саидом границ изучаемого «Востока» лишь до Ближнего Востока, а границ Ближнего Востока — до его арабской части, а также то, что при рассмотрении Запада учитывается лишь британский, французский и американский опыт. С другой стороны, не уделяя должного внимания Дальнему Востоку, Африке южнее Сахары, Индии и соответственно иному западному опыту, Саид как бы приглашал других исследователей развивать его концепцию применительно к другим странам и регионам или находить черты ориентализма в дискурсах других европейских и даже неевропейских стран. В результате такого развития понятие «Восток» постепенно трансформировалось из привычного «географического» в чисто «ментальное», т. е. отныне «ориентализация» может касаться и Южной Америки, и Австралии, и России, и даже отдельных социальных групп и институтов. Яркий пример приводит в статье В. Г. Соболев: в 1990-е годы ориенталистский дискурс проявился в общественно-политических установках в Республике Башкортостан, причем в этом случае «Востоком» оказались Москва и Татарстан, так как именно с этими регионами и населяющими их народами (русскими и татарами) официальные круги Башкирии пытались увязать те черты, которыми, по мнению Саида, «Запад» награждал «Восток»: фанатизм, чрезмерная религиозность, консервативность, агрессивность. Соответственно, развивая предложенную Саидом концепцию, В. Г. Соболев предлагает следующее определение ориентализма, на котором остановимся и мы: ориентализм (или ориенталистский дискурс) — это обладающий внутренним единством способ видения Востока, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, способ не только восприятия и трактовки Востока, но и его проектирования и со-творения. При этом, как уже было сказано ранее, допускается «ориентализация» отдельных местностей и регионов, т. е. приписывание им черт, которые дискурс ранее связывал с афро-азиатскими сообществами (Соболев 2013: 40–44).

Как уже было сказано, Саид ограничивает предмет исследования лишь британским, французским и американским опытом. Он не уделяет практически никакого внимания России и Советскому Союзу, что безусловно вызывает у исследователей вопрос, применима ли эта концепция к нашим условиям. На данный момент подавляющее большинство исследователей сходятся в мнении, что российский ориентализм являлся частью колониального мира со своими особенностями. Специфика его выражалась в наличии разных «Востоков» — не только экзотического и дальнего, но и «собственного». Такая географическая близость к «Востоку» оказывала непосредственное влияние на формирование отличного от «западного» ориенталистского дискурса: многие российские интеллектуалы искали и находили в России азиатское наследие, и поэтому Азия или Восток могли восприниматься ими как образец для подражания, возможный путь развития России (Схиммельпэннинк ван дер Ойе 2019). При этом «свой Восток» становился для власти площадкой для экспериментов, в которых Россия выступала «Европой», в результате чего проводимая здесь политика зачастую следовала логике прогрессистского мессианства. Кроме того, ориенталистский дискурс был не единственным: он развивался параллельно, например, с социалистическим, оказавшим на него впоследствии прямое влияние (Абашин 2015). Если же говорить про академический ориентализм, то наличие в России собственного Востока привело к тому, что не только столичные ученые репрезентировали Восток, но и сами представители этнических сообществ южных и восточных окраин государства участвовали в научных исследованиях (Тольц 2013). Соответственно можно сделать вывод, что близость своего Востока привела к формированию такого облика Другого, который отличался от его западного понимания. Восток в российской понимании не всегда Другой или Иной. При этом важно понимать, что для российских интеллектуалов был характерен широкий спектр мнений и, конечно, имело место представление Востока «по-саидовски».

Теперь обратимся к более узкой теме и попытаемся ответить на вопрос: как советская власть оценивала ориенталистский дискурс в литературе в межвоенный период? Мы проанализируем

этот вопрос на примере нескольких статей одного из главных идеологов советской литературы М. Горького, которые увидели свет в 1929–1934 гг. В статье «О литературе», критикуя «старую» литературу (т. е. времен империи), М. Горький затрагивает тему ориентализма, какой она предстанет через 40 с небольшим лет в книге Эдварда Саида. Горький обвиняет «старую» литературу в москвоцентризме. Более того, этот москвоцентризм имел сразу несколько проявлений. Во-первых, почти все крупные писатели были уроженцами Московской или соседних с ней губерний. В результате «впечатления их детства были ограничены действительностью Московской области», что, по мнению Горького, не могло не сказаться на творчестве классиков: они фактически не были знакомы с общерусской жизнью. В результате вне поле зрения «старой» литературы остались не только те территории Российской империи, которые можно считать «дальними», «чужими», «восточными», но и собственная провинция в европейской части России, а также ее западные границы: Украина, Белоруссия. Если же в книге все-таки упоминались инородцы, то обязательно прочитывалось снисходительное отношение, взгляд автора «сверху вниз» (Горький 1935: 50–52).

В этом заключается одна из позиций критики Горького: «старая» литература не объективна, она пытается не замечать, вычеркнуть из народов империи те «племена» и даже «людей древней культуры» (такowymi Горький называет, например, грузин и армян), чей быт отличается от московских реалий авторов этой самой литературы, одним словом, в современных понятиях «старая» литература ориентализировала эти народы. Но эта ориентализация происходила еще и другим способом: отсутствием какого-либо внимания издателей, критиков, а в результате и публики к провинциальным авторам и представителям «нацменьшинской литературы», например сибирским, украинским, белорусским. Горький при этом подчеркивает, что проблема эта не решена полностью и в Советском Союзе (Горький 1935: 60).

«Новая» же литература, несмотря на свою молодость, выгодно отличается от «старой» по ряду позиций. Горький говорит об этих отличиях как о свершившихся фактах, но важно понимать, что в определенной степени его тезисы одновременно выступали и в качестве целей и задач для молодого поколения писателей. Так, для «новой» литературы характерна «широта охвата действительности», в отличие от ограниченного бытом и природой Московской области взгляда «старых» писателей: она «дала множество книг, которые освещают жизнь даже самых темных и отдаленных от центров культуры “медвежьих углов”». При этом «новая» литература, как подчеркивает Горький, отказывается от необъективной картины и возможной экзотизации образа «других», ее главным орудием становится очерк, для которого характерна активная описательность. Она стремится понять любого человека «изнутри», и этим стремлением она «служит делу объединения всего трудового народа в единую культурно-революционную среду», т. е. ставит перед собой задачу не разделения на «своих» и «чужих», а, наоборот, объединения всех. Кроме того, громкие имена советской литературы теперь не концентрируются в одной Москве: «Если б я писал отчет о значительных книгах, созданных “духом” революции за десятилетие..., мне пришлось бы растянуть эту статейку от Эривани до Архангельска, от Минска до Владивостока через Киев, Харьков, Новосибирск, заглянув и в Ташкент, и в Ростов» (Горький 1935: 52).

Горький желает, чтобы молодые писатели творили в рамках нового литературного метода — социалистического реализма. Какие же особенности этого метода выделяет писатель? Во-первых, новая литература должна не угождать читателю, а убеждать и воспитывать его, художественное произведение должно быть «педагогически убедительным» (Горький 1935: 316). В чем нужно убеждать советского читателя? В том, что «буржуазный строй» по своей сути «ядовит» и является «заразой человечества». То есть фактически в литературе необходимо выстроить новую дихотомию «мы — они», основанную на классовом подходе. В соответствии с этой концепцией конституирующим Другим должен выступать классовый противник — буржуазия. Но утверждать эту дихотомию нужно не путем обращения к прошлому и критике его действительности. Это, по мнению Горького, у молодых писателей получается плохо, поскольку они не наблюдали «мещан в “силе и славе”», недавнее прошлое мещанства знают только по книжкам» и соответственно «очень

поверхностно и тускло изображают врага». Убеждать читателя должно изображение «новой действительности»: важно сделать акцент на достижениях настоящего времени, которые сами по себе продемонстрируют преимущества нового социального строя. Задача писателей в таком случае — изучать, оформлять, изображать и тем самым, как и в ориенталистском дискурсе, «утверждать новую действительность». Нужно говорить «о новых радостях жизни», «о разнообразном цветении творческих сил в стране», а для этого литераторам следует находиться «как можно ближе к творческой воле нашей эпохи — воля эта воплощена в рабочем классе». При этом именно эта «творческая энергия», по мнению Горького, должна привить читателям любовь к человеку и взаимное уважение людей к их «безграничной, трудовой, коллективной силе» (Горький 1935: 324–331). То есть в рамках этого курса «восточные» народы Советского Союза должны были предстать перед читателем не как ведомый «пробуждающийся» пролетариат, а равными с остальными — проявляющими свою творческую энергию в создании новой действительности. В рамках нового социалистического подхода пролетариат, вне зависимости от его национальности, должен выступать в литературе в качестве единого фронта. На первое место должна выходить именно классовая, а не национальная идентичность.

Подводя итог, можно сказать, что власть ставила перед литературой новые задачи: в большом количестве должен изображаться «разнообразный и повсеместный [курсив мой. — И. Ф.] процесс культурно-революционного строительства» (Горький 1935: 56–57). Литература должна способствовать утверждению новой классовой дихотомии «пролетариат — буржуазия», в рамках которой население всей страны должно выступать единым пролетарским фронтом против классовых противников, национальная идентичность должна отходить на второй план. Власть стремится к идеалу, каким он описан выше, к отказу от ориентализации.

Целью нашей работы является анализ трансформации ориенталистского дискурса в художественной литературе о Средней Азии под влиянием новых задач. Как взаимодействовали сложившиеся негативные стереотипы с попытками утверждения нового классового пролетарского единства? В качестве предмета исследования были выбраны произведения литераторов, которые оказались в Средней Азии в качестве участников специально организованных властью литературных командировок.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ЛИТЕРАТУРНЫХ БРИГАДАХ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Весной 1930 г. состоялась первая литературная командировка в Туркменистан по приглашению туркменистанского наркомпроса. Такие литературные командировки в Советском Союзе уже существовали, но обычно писатели направлялись описывать строительство социализма на фабрику или в колхоз, здесь же стояли другие задачи. Участников этой командировки называли литературной бригадой. В состав бригады вошли Всеволод Иванов, Леонид Леонов, Владимир Луговской, Петр Павленко, Григорий Санников и Николай Тихонов. Был составлен подробный план командировки, и важнейшей ее целью был «всесторонний охват жизни и социалистического строительства в республике». Но в задачи литераторов входило не только описание окружавшей их среды, но и активная организационная работа: устройство литературных вечеров для рабочих и красноармейцев, сотрудничество с туркменскими писателями, создание Всетуркменского литературного объединения.

Одним из требований к бригаде стала необходимость отказа от поисков «восточной экзотики и седой восточной мудрости» (как раз то, что подчеркивал и Горький в рамках социалистического реализма). По этой причине, дабы «восточная экзотика» не вскружила голову советским литераторам, подбор писательской бригады был неслучаен: утверждалось, что большая часть ее участников «так или иначе связана с Востоком». Например, Николай Тихонов бывал в Туркмении еще до этой командировки, и даже уже писал о ней. «Много путешествовали по советскому и зарубежному Востоку» еще до командировки Павленко и Санников. Всеволод Иванов работал наборщиком в самаркандской типографии (Облонский 1930).

Во время командировки литераторы не всегда работали вместе, иногда они разделялись на малые группы. В начале поездки все вместе провели неделю в Ашхабаде, и за это время каждый искал себе тему, а затем посещал интересные места. Например, Леонид Леонов заинтересовался местными сражениями с нашествиями саранчи, Григорий Санников задумал поэму о хлопке, Николай Тихонов с Владимиром Луговским увлеклись басмачами. В результате последние больше всего и перемещались по Туркменистану, за что получили прозвища Жюльверн-старший и Жюльверн-младший (Прилепин 2015: 269–270). Они даже пробыли в Средней Азии практически в два раза дольше остальных писателей — два месяца. Но существовал и основной маршрут бригады, обязательный для всех участников: Ашхабад — Кушка — Мерв — Байрам-Али — Бухара — Керки — Чарджуй (Прилепин 2019: 285).

Все вышеописанное характерно и для второй писательской бригады, направившейся в Туркмению в 1934 г. Правда, в ней расширился состав литераторов: теперь в бригаду входило 19 человек, среди которых из участников первой командировки оказались только Владимир Луговской и Григорий Санников¹. У нее была солидная творческая цель: написание коллективного сборника, посвященного десятилетию Советского Туркменистана, «Айдинг-Гюнлер» — «Лучезарные дни». Хотя по результатам работы первой бригады тоже был выпущен сборник (Туркменистан весной 1932), он не был приурочен к столь важному событию.

Мы проанализируем именно те работы участников литературных бригад, которые были опубликованы в указанных выше сборниках. Нам кажется особенно важным выбрать «одобряемые» властью работы, изданные в тот период, ведь именно эти произведения должны были стать орудием власти в борьбе с ориентализмом и в утверждении нового классового подхода.

БОРЬБА С НЕГАТИВНЫМИ СТЕРЕОТИПАМИ

Борьба с устойчивыми негативными стереотипами, необоснованными предрассудками относительно азиатских народов была среди важнейших задач писателей для утверждения классового единства, формирования образа Средней Азии не как «отсталой окраины», а как фронта социалистического строительства наравне со всей страной. Она подразумевала в первую очередь борьбу с источником этих негативных стереотипов — книгами (безусловно, не всеми, ведь сама эта борьба тоже протекала на страницах книг; имеется в виду, та самая «старая» литература, как определял ее Горький, на борьбу с которой была направлена еще и политика смены шрифтов в 1920-е годы, сначала на латинский, а затем на кириллический). Авторы приглашали читателя знакомиться с реалиями советской Азии самостоятельно (или хотя бы с помощью «новой» литературы). Конечно, в этом контексте нельзя не привести известные строки Николая Тихонова из стихотворения «Люди Ширама»: «Ананасы и тигры, султаны в кирасе, // Ожерелья из трупов, дворцы миража — // Это ты наплодила нам басен, // Кабинетная выдумка, дохлая ржа. // Нет в пустыне такого Востока...» (Туркменистан весной 1932: 375). Но более показательным здесь будет сюжет из повести Георгия Максимова: человек с записной книжкой бродит среди кибиток, «он приехал издалека, гонимый непреодолимой потребностью самому видеть то, о чем время от времени сообщали газеты», но в результате он не видит Азии, известной ему по книгам. К нему подходит туркмен и говорит: «Ты пришел в эту страну, знакомую тебе лишь издали, и не узнал ее. Ты прочел много книг, и когда зрение твое ослабло, ты надел очки. Да, ты не узнал этой страны, потому что книги твои не сказали тебе правды. В них было очень много красивых закатов и мало людей» (Айдинг-Гюнлер 1934: 68). Мы бы хотели обратить внимание на последние слова автора, выраженные речью туркмена. Он хочет передать читателю ту мысль, что настоящая красота Азии не в ее экзотике, отражаемой в книгах, а в людях — тех героях,

¹ Полный состав второй писательской бригады: В. Биль-Белоцерковский, К. Большаков, И. Бороздин, А. Вштуни, В. Козин, М. Лоскутов, В. Луговской, Г. Максимов, Х.-М. Мугуев, М. Немченко, Н. Одоев, А. Платонов, В. Попов, Г. Санников, П. Скосырев, А. Смирнов, Т. Тобидзе, Г. Шенгели, Н. Шестаков.

которые здесь и сейчас осуществляют повседневную тяжелую работу по социалистическому строительству.

Писателям важно было показать, что туземцы не являются «глупыми дикарями», они пытаются утвердить новый образ туземца-актера, который своим примером доказывал бы, что местные уроженцы ничуть не хуже европейцев, что они уже не «пробуждающийся пролетариат», а активные участники социалистического строительства. Таким актором в произведениях того времени часто становится самоучка, который в своей области знаний превосходит всех, в том числе русских, и своим примером доказывает, что туркмены не хуже, не глупее других народов. Приведем такой пример: «Не дальше как сегодня я пожимал руку полеводу одного из колхозов района. Он не получил специального образования, он самоучка, но он премированный и заслуженный ударник. <...> Тогда же я узнал, что этот полевод — местный уроженец и никогда за пределы округа не выезжал» (Айдинг-Гюнлер 1934: 136–137). Ярким эпизодом является и карьера туркмена Нур-Клыча из рассказа Всеволода Иванова, который, будучи до Гражданской войны бедняком, а во время нее партизаном, уже «через каких-нибудь три года был инженером, а через пять — видным специалистом по нефтяному делу» (Туркменистан весной 1932: 150). Иногда этим актерам уделяется меньше внимания, упоминается только их присутствие, но это присутствие не менее важно.

Развивает эту идею и демонстрация авторами в своих произведениях деятельности в Средней Азии партийных работников не только русского, но и местного происхождения. Такие работники своим примером доказывают, что Восток не «пробуждается», а уже «пробудился», что революцию в него не надо экспортировать извне, он может осуществить революционные преобразования (те, которые советская власть считала в тот момент необходимыми) своими силами, без помощи русских коллег. Показателен эпизод из очерка Викторина Попова «Субтропики на Атреке». Он рассказывает о посадочной кампании, в которой участвует ряд молодых туркменов, только что приехавших из Персии, и еще не знакомых с советскими реалиями. Поэтому они «смотрят исподлобья», «забиты», «с привычной покорностью съезживают плечи». При этом донести им новые идеи советского государства пытаются не московские партийные работники, а местные уже образованные комсомольцы-туркмены (Айдинг-Гюнлер 1934: 180). Автор пытается таким образом побороть образ русского наставника, и ставит на роль «старшего брата» для необразованных туркменов других туркменов, уже получивших образование.

Еще одним способом борьбы с негативными стереотипами о «восточных людях» для авторов стало наделение этими стереотипами русского населения. Таким образом авторы хотели продемонстрировать читателю, что каждый человек склонен к порокам, и не стоит «присваивать» эти пороки исключительно представителям какого-либо народа. Так, русские выступают в произведениях советских авторов и хитрыми, и ленивыми, и подверженными различным суевериям (например, могут поверить в слова знахаря) (Туркменистан весной 1932: 37, 65, 151). Особо показательна здесь будет следующая цитата, которая хоть и демонстрирует нам русских дореволюционного периода, т. е. русских как завоевателей, но все равно обладает мощным влиянием на читателя: «Впрочем, текинцы на разбойников ходили мало... На разбойников скорей были похоже русские. Они каждый вечер кричали и ругались, напиваясь пьяными, и если затевалась драка, пыряли друг друга — спьяну, правда, не попадая куда хотели, — складными маленькими ножами» (Айдинг-Гюнлер 1934: 15).

Тема негативного влияния русских завоевателей получает большое развитие в некоторых произведениях. Фактически часть авторов утверждает, что это завоевание имело не положительные, а негативные последствия. Например, Григорий Санников говорит о «вольном народе, покоренном генералом» (Туркменистан весной 1932: 87). Николай Тихонов подчеркивает, что царское правительство «имело для племени джемшидов только одну кличку: разбойники» (Туркменистан весной 1932: 409). И, домысливая за автора, мы можем прийти к заключению, что ярлык «разбойники» лишил народ возможности развиваться в рамках Российской империи, поэтому от подобных ярлыков надо отказаться.

Объявили борьбу и дискурсу об экзотичности Востока, выраженному в восхвалении различных величественных построек прошлого, в частности утверждениям о неспособности современных туркменовать воспроизводить настолько же великие достижения. Так, в рассказе Михаила Лоскутова «Предшественники» на реплику корреспондента «Правды Востока» «Народ, потерявший мастерство...» секретарь ячейки ответил: «Эти люди ничего не теряли. Ханы строили эти дворцы. Лучше бы делали плотины, научились бы сеять корм» (Айдинг-Гюнлер 1934: 153). Причем для придания большей солидности аргументу в речь секретаря ячейки вставляются слова о целесообразности таких «ханских» строек. Автор хочет вызвать в голове читателя целую цепочку вопросов: можно ли восхищаться тем, что убивало людей, а не кормило их, соответственно не давало им жизнь? И стоит ли тогда считать эти архитектурные сооружения шедеврами?

УТВЕРЖДЕНИЕ НОВОЙ КЛАССОВОЙ ДИХОТОМИИ И ПРОЛЕТАРСКОГО ЕДИНСТВА

В соответствии с обозначенным новым стилем социалистического направления авторы начинают заменять ориенталистскую риторiku социалистически классовой. В рамках этих изменений конституирующим Другим теперь является представитель не «восточных» народов, а враждебных пролетариату и крестьянам классов — буржуазии, кулачества, аристократии. В произведениях о Средней Азии такими представителями выступают баи. Среди граждан советского государства важно было утвердить единство, чувство классовой солидарности: «Мы с вами разных национальностей, но сердце у нас рабочее одно». Национальная идентичность в советском государстве должна отойти на второй план, и тогда туркмены будут являться туркменами лишь «постольку, поскольку это не мешает быть пролетарием» (Туркменистан весной 1932: 148). Такую идею важно было усвоить русским читателям.

Эта линия развивается авторами еще в сценах совместной деятельности представителей разных народов в Средней Азии: «Работают здесь одинаково люди разных наций: русские, персы, турки, немцы и сам венгр» (Айдинг-Гюнлер... 1934: 146). Авторы особо подчеркивают единство этих людей, связанное с совместной целью их деятельности и классовой солидарностью. Такую сюжетную линию мы встречаем в повести Леонида Леонова «Саранчуки» (Туркменистан весной 1932: 3–54). На протяжении всего произведения борьбу с саранчой совместно ведут и русские, и туркмены. Похожий эпизод совместной борьбы с бедствием — разливом Амударьи — отражен в романе Петра Павленко «Пустыня» (Туркменистан весной 1932: 288–289). Еще одним ярким эпизодом совместной деятельности является сцена из пьесы Всеволода Иванова «Компромисс Наиб-Хана». Красноармейцы (причем их национальность автор не уточняет) помогают дехканам рыть арыки и при этом запевают песню: «Мы дети... // Мы друзья, // Мы дети одного народа...» (Туркменистан весной 1932: 209). Других строчек из песни автор и не приводит, потому что для понимания смысла важны исключительно эти строчки. Красноармейцы — это в целом группа людей, включающая в себя представителей совершенно разных народностей, которая сама по себе прекрасно демонстрирует возможность эффективной совместной деятельности, связанной единой целью и классовой солидарностью. В пьесе Иванова они не просто совместно ведут борьбу против басмачей, но и с радостью помогают дехканам осуществить работы, потому что для них каждый житель Советского Союза, вне зависимости от его национальности, друг, а все вместе они «дети одного народа».

Но особенно интересен способ утверждения писателями образа Другого. Для выставления классовых противников в негативном свете авторы решили вооружиться ориенталистской риторикой, старыми стереотипами, направив их не против азиатских народов, а против эксплуататоров-баев.

Например, в повести Петра Скосырева мы сталкиваемся с жадностью бая (еще в дореволюционные времена): он заставил работать своего восьмилетнего племянника, поскольку «даром кормить его не захотел» (Айдинг-Гюнлер 1934: 17). Эта черта характера вообще типична для всех

баев, упоминаемых в произведениях, поскольку в данном случае жадность относится необязательно к ориенталистской риторике, она является и классовой составляющей, поскольку представители так называемых эксплуататорских классов в Советском Союзе всегда представлялись как люди жадные. Жадность, смешанную с жестокостью, передал в своем рассказе «Такыр» и Андрей Платонов. В сцене прощания бая с умирающей женой он говорит ей следующие последние слова: «Скажи там, пожалуйста, богу: тебе все равно, ты ведь мертвая, — скажи там, что я один остался на свете! Овец стало мало, онидохнут — я один с ними управлюсь, а люди пусть станут душами и живут у бога на небе, где ты будешь жить».

Платоновский бай Атах-Баба не просто жадный, а еще жестокий, черствый, безэмоциональный, что уже сложно отнести к классовой риторике, а больше похоже на трансформацию ориенталистского дискурса, использованного против классовых врагов. Жестокость и черствость бая проявляется в любовных сценах с его участием: он любил свою жену «угрюмо и серьезно, как обычную обязанность, зря не мучил и не наслаждался». Свое он держит до конца: когда его дочь хотела убежать в пустыню, он догнал ее, в ответ же она сопротивлялась, «...впила ногтями в горло Атах-Бабы», но Платонов награждает бая особой «восточной» стойкостью, непосредственно связанной как с жадностью, так и с жестокостью: «...но если бы даже ему отрезали сейчас голову, он не оставил бы ее, поэтому он не чувствовал боли от девушки» (Айдинг-Гюнлер 1934: 49–55).

О жадности баев пишет в своих работах и Всеволод Иванов. Один из героев его повести телеграфист Т. С. Давли, помимо жизни обычного телеграфиста, ведет «подпольную» жизнь, в которой уже является потомком текинских ханов. Так, он тайно от советской власти «ввел к себе вторую жену, приобретенную в пустыне у кочевников». И в этом эпизоде он проявил не только хитрость, лживость, коварство по отношению к советской власти, но еще и жадность. Несмотря на то что осуществил действия запрещенные, он не переживает по этому поводу, предметом же его переживаний является стоимость жены: «Давли полагал теперь, что он переплатил за свою вторую жену, и ему казалось, что он мало и плохо торговался» (Туркменистан весной 1932: 151–153).

На страницах книг описывается не только жадность баев, но и их хитрость и коварство. Бай мог с легкостью обмануть обычного трудящегося человека, как, например, в повести Георгия Максимова: восемь лет по договору с баем проработал на него пастух Аман, по окончании же этого срока бай обещал выдать за него свою дочь. Но в итоге с легкостью нарушил это соглашение, «забыв» про восемь лет работы: «Как можешь ты, сын песков, протягивать свои грязные руки к дочери “баяра”? Ты забыл свое место, Аман!» (Айдинг-Гюнлер 1934: 72–74).

Похожий случай описывает в своем очерке о джемшидах Николай Тихонов: «Как смел бедняк-пастух тянуть руки к его единственной дочери! Несколько лет служил в его стаде пастух-батрак, получавший за труд тридцать баранов в год, и эти тридцать баранов он вносил безропотно, как калым, за дочь бая. Хозяин его усмехался про себя, но принимал калым во всех видах». В результате же пастух узнал, что «дочь хозяина ему не пара, что отец ее презрел его скромный калым и перепродал дочь в четыре раза дороже» (Туркменистан весной 1932: 406).

Представители вражеских пролетариату классов изображены также жестокими — еще один стереотип о «восточных людях». Такими выступают в произведениях о столкновениях с басмачами руководители-баи басмаческих отрядов. Встретив в пустыне раненого красноармейца, они сначала обсуждают жестокие пытки, а затем приводят их в исполнение («Мы загоним тебе гвозди в глаза», «шило мы прогоним через уши в мозг», «разрежем язык на четыре части и посыплем солью», «резать его насмерть или для разговора?») Эта сцена особенно выделяется на контрасте с отношением красноармейцев к дехкану, который был запуган басмачами и в результате помог им. Несмотря на призывы дехкан к красноармейцам убить предателя, комполка принимает решение даже никак его не наказывать, поскольку он помог не только басмачам, но и красноармейцам, а также рассказал им всю правду (Туркменистан весной 1932: 209–214).

Негативными качествами наделяются и муллы, но и здесь ориентализация духовенства происходит скорее в рамках повсеместной борьбы с религией. Все-таки мулла не просто негативный персонаж, мешающий процессу социалистического строительства, но обычно еще и жадный, хитрый и жестокий (Айдинг-Гюнлер 1934: 17–18), ведь эти качества могут подчеркнуть его несоответствие социалистическим реалиям.

ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ МИССИЯ

Несмотря на то что писатели проводят активную деятельность по утверждению новой классовой дихотомии, ряд негативных стереотипов о населении все равно находит свое отражение в их произведениях. Отношение к местному населению до сих пор основывается на эволюционистской иерархии, и даже если теперь местные племена в этой иерархии оказываются на стадии не первобытного общества, а феодализма, то они все равно воспринимаются в таком качестве как менее развитые, располагающиеся на ступень ниже. Для писателей в ряде случаев разница в представлениях «европейского» человека и местного жителя очевидна. Особенно ярко это проявляется в изображении Петром Скосыревым прилегающего к колхозу туркменского аула. Он состоял из «раскиданных без всякого порядка» кибиток, «все удобство которых заключалось в том, что в любую минуту их можно водрузить на верблюда или на трех коней и всем аулом двинуться на новые места». Но писатель задается вопросом: а зачем нужно это преимущество, если «жирные трудодни накрепко привязали колхозников к хлопку»? По его мнению, гораздо логичнее было бы построить «просторные деревянные или саманные дома, в две или три комнаты, в которых не дуло бы зимой и не текло бы весной, когда начнутся упорные туркменские дожди» (Айдинг-Гюнлер 1934: 23). Фактически литератор проводит границу между своим «европейским» представлением и представлением туркмен: они не понимают друг друга, одни не видят преимуществ «европейского» жилища, другой — преимуществ кибитки. При этом автор повести еще делает вывод об однозначности, неизбежности выбора между двумя этими типами жилища именно в пользу «европейского».

С помощью этого небольшого сюжета мы зададим рамки обсуждения темы на последующих страницах. Нам кажется, что, несмотря на выжившие негативные стереотипы, нельзя однозначно говорить о негативном восприятии местного населения в литературе. Основным посылом в произведениях становится цивилизаторская миссия, идея модернизации, перехода среднеазиатских обществ от феодализма сразу в социализм. То есть ориентализм в таком контексте соседствует с антиориенталистским стремлением модернизации обществ с целью быть с ними единым целым, как и призывает советская власть.

Конечно, цивилизаторская миссия не была новой для России в Среднеазиатском регионе. Здесь мы наблюдаем преэминентность взглядов советских литераторов и либерально настроенной части российской интеллигенции, которая еще в XIX в. сформулировала представления о России как о факторе просвещения и модернизации в регионе: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение» (Достоевский 1995: 509).

Как же изображали эту цивилизаторскую миссию Советского Союза литераторы в своих произведениях? Конечно, в первую очередь, они делали акцент на образовании и просвещении местного населения. Участники бригады демонстрируют читателю, что без просвещения и образования «восточный человек» живет в ограниченном мире, ему кажется, что «пастбище, табун коней и кибитка» — это «все, что есть на этой земле» (Айдинг-Гюнлер 1934: 79). Им управляют «тысячелетние напластования покорности, уважения к богатству, охраняемые адатом, изо дня в день подкрепляемые чудовищной зависимостью от бая» и «сложнейшие хитросплетения родовых отношений» (Айдинг-Гюнлер 1934: 83). Литераторы демонстрируют множество примеров преоб-

ражения людей в результате получения советского образования. Вот, например, отрывок из поэмы Григория Санникова (Туркменистан весной 1932: 70):

Всего три года, как Угуль
Из яйца фаты унылой,
Прорвав адата скорлупу,
Дыханьем города умылась.

И с каждым днем полней и гуще
Из семинаров и из книг,
Из первой практики грядущее
Пред ней развертывало дни.
Они ее вносили круто
Над уровнем прошедших лет,
Похожих на слепых калек
Под ветрогоном на распутьи.

Важность советского образования подчеркивает в своих материалах Константин Большаков. Он рассказывает об окружной конференции писателей-пролетариев, «конференции, собравшей делегатов из аулов и кишлаков, где десять лет назад... не было ни одного грамотного декханина» (Айдинг-Гюнлер 1934: 132).

В этом контексте важно вспомнить повествование об акторах-туземцах, которое мы вели раньше. Несмотря на то что часть демонстрируемых читателю таких актеров являются самоучками, в некоторых случаях авторы нарочито подчеркивают получение героем образования. Например, вот так описывает путь перса Мамеда к должности начальника политотдела в Туркмении Петр Скосырев: «Он учился в Асхабаде, откуда его оторвали в пески драться с басмачами. Учился в Ташкенте — пока его не назначили в Мервский район инструктором комсомола. Был студентом в Москве, с книжками в портфеле бегал по Тверскому бульвару мимо памятника Пушкина в КУТВ... Там он слушает лекции, каждое слово которых запоминается, как и бабушкины пословицы. Они сделали мир окончательно просторным, и “башмаки” больше не жали ноги Мамеду» (Айдинг-Гюнлер 1934: 22).

При этом авторы подчеркивают, что образование необязательно давать через институты. Литераторы демонстрируют примеры просвещения на местах. Например, таким просвещением занимается в повести Георгия Максимова помощник начальника депо Федор Иванович. Он на практике учит туркмена Амана разбираться в тепловозах. Кроме чисто технических знаний, Федор Иванович пытался просвещать Амана и в повседневных вопросах: «Неожиданно Аман узнал, что бай совсем не почетное имя и что на севере, где родился Федор Иванович, баев называют кулаками и что это очень ругательное слово» (Айдинг-Гюнлер... 1934: 80–81).

Цивилизаторская миссия советской власти выражается не только в просвещении и образовании, но и в хозяйственном освоении «мертвых земель». Она рассматривает среднеазиатские пустыни как бесполезную с точки зрения экономики территорию, как «лицо дикарской Азии», «первобытную наготу» (Туркменистан весной... 1932: 81). Это пространство необходимо освоить, «обуздать» и модернизировать. Ярким примером такой модернизации пространства является сцена из романа Петра Павленко: «Вот лежит она, пустыня черного песка Кара-Кум, без географии и истории, без всяких следов материальной культуры, с людьми, которые ничего не знают о своей собственной жизни. Четыре века ничто не оседало здесь. Тимур последним прошел по ее пескам, вернув их сполна архаической геологии, после недолгого ими пользования. На пустых тропах четырех веков осел завод. Он начинает новую страну и свой собственный век» (Туркменистан весной... 1932: 362).

Писатели акцентируют внимание и на развитии советской властью материального быта жителей Средней Азии. Николай Тихонов посвятил стихотворение «Завернувшиеся в плащи» доставке груза местному населению («Консервы, стекла, мыло, // Соль, рис, спички...») (Туркменистан весной... 1932: 380). Он же в своем очерке о джемшидах пишет: «Что может быть убедительнее вещи, которую можно осязать? Рядом с первобытным кетменем — бидон из-под керосина, цинковое ведро звенит рядом с верблюжьим седлом, кооперативный ситец натянут на плечи кочевника под старой, разлезшейся по швам жилеткой афганского происхождения». Тут присутствует и забота о «восточных народах», которые находятся в «глубокой нищете» и которым необходимо помогать, и цивилизационная линия: писатели демонстрируют, как с помощью изменений материальной культуры, привносимых советским государством, может трансформироваться осознание быта «восточным человеком». На примере этих новых вещей он должен был удостовериться в превосходстве другой цивилизации и последовать за ней.

Писатели подчеркивают заботу советского государства о местном населении и по линии медицины. О проблемах в этой сфере строго высказался Леонид Леонов. Используя риторические вопросы, он раскритиковал «дикарские» методы лечения местного населения: «А кишлак Ших в Чарджуйском округе с деревом над могилой тамошнего праведника, — в дупле здесь хранится “святая” вода; больные обмакивают палец в нее и мажут себе пораженные веки, вследствие чего поголовная трахома? А если для исцеления поноса мулла прописывает резать барана и пить его кровь, а мясо и шкуру отнести ему, мулле?» При этом он подчеркивает, что ситуация в регионе с «европейской» медициной была очень тяжелая: «В 1924 году на всю республику, превосходящую размерами почти любую европейскую страну, приходилось всего 48 врачей, из которых семь зубных... да и те сидели в городах» (Туркменистан весной... 1932: 429). Писатели акцентируют внимание на том, что советская власть активно пытается решить эти проблемы: строит здесь больницы («В 21 году здесь фазанов палками били, кругом шли сплошные дремучие заросли... Сейчас, в 1934 г., напротив <белого широкого раскинувшегося здания> больницы — новые аккуратно построенные домики типа коттеджей. Вдоль улицы — прямая аллея деревьев» [Айдинг-Гюнлер... 1934: 135]), привносит идеи гигиены, борется с суевериями и «традиционными» методами лечения («Один из местных упорных работников, с дрожью думая, что он когда-нибудь подхватит у джемшидов трахому или сифилис, решил научить их мыться с мылом. Скопив денег из своих собственных средств, он приобрел несколько десятков полотенец и кусков мыла и роздал это самым, по его мнению, понятливым людям в аулах, объяснив через переводчика, что это за вещи и как ими нужно пользоваться») (Туркменистан весной... 1932: 402–403).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Влияние сформулированных советской властью задач на ориенталистский дискурс сложно оценить однозначно. С одной стороны, велась борьба с негативными стереотипами и предрассудками, местные жители изображались в качестве актеров. С другой стороны, некоторые устойчивые стереотипы, связанные в первую очередь с эволюционистской иерархией народов, нашли свое место на страницах произведений участников литературных бригад. Но при этом они соседствовали с призывами к благим (с точки зрения советской власти) преобразованиям, к цивилизаторству и модернизации края. Основная проблема, конечно, сохранялась в изображении безальтернативности предлагаемого пути развития, которое подразумевает «европейский» образ жизни в качестве образца. Для писателей было «немыслимо» представить, чтобы «восточный человек» мог бы протестовать «против электрической лампочки в кибитке, против лечебниц в аулах, против стоячих ковродельческих станков...» (Туркменистан весной... 1932: 387). Но даже несмотря на это, некоторые авторы допускали собственные размышления по поводу целесообразности проводимой модернизации вполне в духе постколониальных идей. Приведем отрывок из романа Петра Павленко: «...академик Ферсман несколько лет назад обнаружил, проходя Кара-Кумы, что

в них живет не менее ста тысяч людей. <...> Александр Платонович проводит здесь искусственную реку, Максимов намерен пробурить всю пустыню дырками колодцев, но третьего дня охотник Овез долго плакал у нашего костра оттого, что за день не убил ни одной змеи, а у него договор с Туркменгосторгом на триста штук, и уже получен аванс, и близок срок сдачи. Товарищ Итыбай-госторг, погубитель кочевых кулаков, бурею носится по пескам, контрактую шерсть и продавая мыло и бензин, и пустыня не мешает ему, она дает каракуль, она нужна. Что же такое пустыня? Ужас ли, бедствие или просто “условие жизни”, к которому нам трудно привыкнуть и на которое жалуемся только мы, заезжие люди?» (Туркменистан весной... 1932: 337). Писатель ставит вопрос, действительно ли местные жители нуждаются в авантюрных проектах советской власти по водоснабжению пустыни? Ответ на него предлагается читателю найти самостоятельно.

Получается, что, несмотря на вмешательство власти, мы видим частичную преемственность взглядов советских писателей и либеральной интеллигенции XIX в., выражаемой в идее цивилизаторской миссии. При этом, безусловно, огромное внимание в текстах получают антиколониальные лозунги. Можно ли говорить о полной победе над ориентализмом? Скорее нет, ряд негативных стереотипов все равно транслируется даже в «одобряемых» властью произведениях. Но предлагаемая антиколониальная риторика могла положить начало размышлениям в неожиданном для власти русле, схожим с современным постколониальным подходом, о целесообразности вмешательства в самостоятельное развитие региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...» // Полвека в Туркестане. В. П. Наливкин: биография, документы, труды / под ред. С. Н. Абашина. М.: Марджани, 2015. С. 17–63.

Айдинг-Гюнлер. Альманах к десятилетию Туркменистана, 1924–1934. М.: Изд. Юбилейной комиссии ЦИК-ТССР, 1934.

Горький М. О литературе: статьи и речи. 1928–1935 гг. М.: ГИХЛ, 1935.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 14. СПб.: Наука, 1995.

Облонский А. Первая ударная бригада писателей в Туркмении // Туркменоведение. 1930. № 4–5. С. 53.

Прилепин З. Непохожие поэты. Трагедии и судьбы большевистской эпохи: Анатолий Мариенгоф, Борис Корнилов, Владимир Луговской. М.: Молодая гвардия, 2015.

Прилепин З. Леонид Леонов: поделник эпохи. М.: АСТ, 2019.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.

Соболев В. Г. Историография российского ориентализма: к вопросу о методологии исследования // *Raх Islamicа*. 2013. № 2. С. 39–59.

Схиммельпэнник ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М.: РОССПЭН, 2019.

Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М.: НЛЮ, 2013.

Туркменистан весной. Альманах 1-й писательской бригады Огиза и «Известий ЦИК СССР», совершившей поездку по Туркменистану весной 1930 г. в составе: Л. Леонова, Вс. Иванова и др. М., Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1932.

REFERENCES

Abashin S. N. V. P. Nalivkin: “budet to, chto neizbezhno dolzhno byt’; i to, chto neizbezhno dolzhno byt’, uzhe ne mozhet ne byt’...” [V. P. Nalivkin: “The Inevitable Will Be; and What Is Inevitable Cannot Fail to Be...”]. *Polveka v Turkestanе. V. P. Nalivkin: biografіia, dokumenty, trudy* [Half a Century in Turkestan. V. P. Nalivkin: Biography, Documents, Works]. Ed. by Abashin S. N. Moscow: Mardzhani, 2015, pp. 17–63. (In Russian)

Aiding-Giunler. Al'manakh k desiatiletiu Turkmenistana, 1924–1934 [Sunny Days. Anthology Dedicated to the Decennary of Turkmenistan, 1924–1934]. Moscow: Izdatel'stvo iubileinoi komissii TSIK-TSSR, 1934. (In Russian)

- Dostoevskii F. M. *Sobranie sochinenii v 15 tomakh* [Collected Works in 15 volumes], vol. 14. St. Petersburg: Nauka, 1995. (In Russian)
- Gor'kii M. *O literature. Stat'i i rechi. 1928—1935* [About Literature. Articles and Speeches, 1928—1935]. Moscow, 1935. (In Russian)
- Oblonskii A. Pervaia udarnaia brigada pisatelei v Turkmenii [The First Shock Brigade of Writers in Turkmenistan]. *Turkmenovedenie*, 1930, no. 4–5, p. 53. (In Russian)
- Prilepin Z. *Nepokhozhie poety. Tragedii i sud'by bol'shevistskoi epokhi: Anatolii Mariengof, Boris Kornilov, Vladimir Lugovskoi* [Dissimilar Poets. Tragedies and Destinies of the Bolshevik Era]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2015. (In Russian)
- Prilepin Z. *Leonid Leonov: podel'nik epokhi* [Leonid Leonov: Accomplice of the Era]. Moscow: AST, 2019. (In Russian)
- Said E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the Orient]. St. Petersburg: Russkii mir, 2006. (In Russian)
- Schimmelpenninck van der Oye D. *Russkii orientalizm. Aziia v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii* [Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration]. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 2019. (In Russian)
- Sobolev V. G. Istoriografiia rossiiskogo orientalizma: k voprosu o metodologii issledovaniia [Historiography of Russian Orientalism: Towards the Issue of the Research Methodology]. *Pax Islamica*, 2013, no. 2, pp. 39–59. (In Russian)
- Tolz V. “*Sobstvennyi Vostok Rossii*”: *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* [“Russia’s Own Orient”: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. (In Russian)
- Turkmenistan vesnoi. Al'manakh 1-oi pisatel'skoi brigady Ogiza i Izvestii TsIK SSSR', sovershivshei poezdku po Turkmenistanu vesnoi 1930 g. v sostave: L. Leonova, Vs. Ivanova i dr.* [Turkmenistan in Spring. Anthology of the First Writers Brigade of the Association of State Book and Magazine Publishers and “Izvestia”]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1932. (In Russian)

Submitted: 21.05.2021

Accepted: 21.10.2021

Published: 15.12.2021